

Поршнева Алиса Сергеевна

ПРОСТРАНСТВО И СЮЖЕТ В РОМАНЕ КЛАУСА МАННА "БЕГСТВО НА СЕВЕР"

Статья посвящена вопросам взаимодействия пространственной и сюжетной организации слабо изученного эмигрантского романа К. Манна "Бегство на север". Рассматривается феномен пространства эмиграции, которое в структурном отношении повторяет выстроенное концентрическими кругами пространство классического мифа, а в ценностном отношении прямо ему противоположно. На основе анализа маршрута и мотивации перемещений героини по этому пространству делается вывод о том, что сюжет романа сформирован особенностями его художественного пространства. Роман К. Манна впервые рассматривается в жанровом контексте немецкого эмигрантского романа.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2012/7-2/44.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2012. № 7 (18): в 2-х ч. Ч. II. С. 171-175. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2012/7-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

**PEOPLE INTEGRATIONS DESIGNATIONS IN GERMAN LANGUAGE
FROM PERSPECTIVE OF SOCIOLINGUISTICS****Anna Mikhailovna Otkidycheva***Department of Germanic Studies and Intercultural Communication**Pyatigorsk State Linguistic University**ot_ann@list.ru*

The author systematizes the data on the possibilities of some lexical units meaning volume change, considers the main ways of social integrations designation in the modern German language, and also undertakes an attempt to provide the sociolinguistic interpretation of lexical transformations within the specified subject group in the second half of the XXth – the beginning of the XXIst century.

Key words and phrases: social group; lexical meaning; meaning transformation; nominative units; expansion of variable possibilities of use.

УДК 821.112.2.01

Филологические науки

Статья посвящена вопросам взаимодействия пространственной и сюжетной организации слабо изученного эмигрантского романа К. Манна «Бегство на север». Рассматривается феномен пространства эмиграции, которое в структурном отношении повторяет выстроенное концентрическими кругами пространство классического мифа, а в ценностном отношении прямо ему противоположно. На основе анализа маршрута и мотивации перемещений героини по этому пространству делается вывод о том, что сюжет романа сформирован особенностями его художественного пространства. Роман К. Манна впервые рассматривается в жанровом контексте немецкого эмигрантского романа.

Ключевые слова и фразы: эмиграция; пространство наци; пространство эмиграции; сюжет; миф; концентрическая структура.

Алиса Сергеевна Поршнева, к. филол. н.*Кафедра иностранных языков**Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина**alice-porshneva@yandex.ru***ПРОСТРАНСТВО И СЮЖЕТ В РОМАНЕ КЛАУСА МАННА «БЕГСТВО НА СЕВЕР»[©]**

*Работа поддержана грантом Президента РФ
для государственной поддержки молодых российских ученых № МК-1009.2012.6.*

Клаус Манн, покинувший Германию после прихода к власти национал-социалистов в 1933 году, является автором двух романов о немецких эмигрантах – «Бегство на север» и «Вулкан». Оба этих произведения всегда оставались на периферии внимания исследователей, в поле зрения которых попадали в первую очередь роман «Мефистофель» [3; 13; 14] и малая проза К. Манна [9-11]. Эмиграция применительно к Манну рассматривалась в первую очередь как важный момент его биографии (см.: [15; 17]), но не как основная тема и сюжетообразующий фактор его произведений об эмигрантах.

Роман «Бегство на север», практически не замечавшийся критиками, имеет смысл изучать не только в контексте творчества Манна в целом, но и в контексте немецкого эмигрантского романа. «Бегство на север» тематически примыкает к произведениям об эмигрантах, созданным Э. М. Ремарком и Л. Фейхтвангером, и демонстрирует существенное сходство с ними в аспекте организации пространства и построения сюжета.

Зависимость сюжета от пространственно-временной организации неоднократно отмечалась теоретиками литературы. Так, Н. Д. Тамарченко пишет: «Изображенное пространство-время – это условия, определяющие характер событий и логику их следования друг за другом» [12, с. 178] (выделено мной – А. П.). Сюжетное событие – это перемещение героя в качественно другое пространство, по определению Ю. М. Лотмана, – «перемещение персонажа через границу семантического поля» [4, с. 223]; сюжет при таком рассмотрении оказывается в определенной степени «производным» от пространства.

Пространство, по которому передвигается Иоганна – главная героиня романа «Бегство на север», – в очень большой степени детерминировано ситуацией эмиграции; при этом в романе представлены два видения этого пространства, которые следует обозначить как пространство наци и пространство эмиграции. Эти понятия были выработаны нами на материале эмигрантских романов Э. М. Ремарка и Л. Фейхтвангера [7; 8]. Базой для формирования того и другого является география Европы; пространство наци представляет собой

систему пространственных представлений героев, официально принадлежащих к тоталитарному режиму Третьего Рейха или поддерживающих его. Пространство эмиграции, в свою очередь, выстраивается с точки зрения героев-эмигрантов и в ценностном отношении противоположно пространству наци.

По сравнению с пространством эмиграции пространство наци в романе «Бегство на север» развернуто менее подробно. В произведении не выведен ни один герой-наци, но среди персонажей присутствует носитель их точки зрения – Йенс, младший брат Карин (шведской подруги Иоганны, у которой она останавливается). Его пространственные представления в целом соответствуют концентрически выстроенному пространству классического мифа. Как отмечает Е. М. Мелетинский, «в космогонических мифах развитых мифологических систем упорядочивающая деятельность богов более ясно и полно осознается как преобразование хаоса, т.е. состояния неупорядоченности, в организованный космос. <...> Мифические существа, персонифицирующие хаос, побежденные, скованные, низверженные, часто продолжают существовать на окраинах космоса» [5, с. 205, 212]. «Все лучшее, благое, необходимое для человека всегда пребывает в центре мира, ... а все злое, враждебное и опасное – на его окраине» [1, с. 119]. Центральная зона мира Йенса – Германия: он отзывается о ней «восторженно» [16, S. 20] и считает ее наиболее цивилизованной страной, в которой «ничего не происходит без смысла и разума» [Ibidem, S. 18]. В терминологии Г. Бидерманна это располагающаяся вокруг оси мира «сфера жизни» [2, с. 193]; за ее границами начинается земля «профанная» и далее враждебная, куда вытесняется, согласно Е. М. Мелетинскому, остаточный хаос. Швеция, родная страна Йенса, относится к первому «кольцу» вокруг Германии и не является в его глазах настолько же «разумной» и правильно устроенной территорией, какой является Третий Рейх. В мифологическом пространстве ей соответствует начинающаяся за границами сакральной земли земля профанная, населенная варварами и не испытывавшая цивилизующего влияния разума. Второе после профанной земли «кольцо» – враждебная земля, населенная чудовищами и заполненная хаосом, – представлено в картине мира Йенса в первую очередь Россией, которая связана для него с «опасностью большевизма» и описывается словами «враг у наших границ» [16, S. 23-24]. В рамках такой картины мира наиболее желательными пространственными трансформациями оказываются те, которые направлены на расширение центральной «разумной» зоны за счет прилегающих территорий; одной из возможных форм такого расширения Йенс считает установление в Швеции режима, аналогичного немецкому. Шведское гражданство не препятствует герою быть носителем той точки зрения, из которой выстраивается пространство наци – система представлений о пространстве, в основе которой лежит аксиология национал-социалистического режима (подробнее см.: [6]).

При этом в романе К. Манна определенно доминирует эмигрантский взгляд и такая система представлений о пространстве, которая формирует пространство эмиграции.

Пространство эмиграции в романе К. Манна, как и пространство наци, в структурном отношении повторяет пространство классического мифа. В центре мира располагается Третий Рейх, центральное положение которого описывается в том числе лексикой с пространственным значением: покинуть Германию для Иоганны – это «выехать наружу» (*hinausfahren*) [16, S. 8] или «выйти наружу» (*herauskommen*) [Ibidem, S. 64, 67, 68]. Вокруг и «снаружи» Рейха располагаются все остальные страны.

Статус Третьего Рейха в пространстве эмиграции прямо противоположен таковому в пространстве наци. Германия для героини-эмигрантки – страна, принимающая «решение о тотальной бесчеловечности» [Ibidem, S. 139], «потерянный мир» [Ibidem, S. 93], ассоциативно связанный с адом: «...эти ночи в чужих квартирах, когда вслушиваешься в звуки, что-то зашуршало – это они, они обнаружили мое укрытие, это арест. И страх перед концентрационным лагерем, который означает ад» [Ibidem, S. 67]. Происходящее в Германии Иоганна квалифицирует как «варварство» [Ibidem, S. 99], а деятелей режима называет «убийцами» [Ibidem, S. 100]. В глазах шведа Рагнара Германия не является цивилизованной страной: «Она должна находиться под контролем и надзором цивилизованных государств, должна быть полностью зависима от их воли, должна быть почти их колонией – иначе она, со своей стороны, уничтожит цивилизованные государства» [Ibidem, S. 268]. В другой сцене Рагнар определяет происходящее в Германии как *Affenschande* ‘позор’ [Ibidem, S. 148]; внутренняя форма этого слова – ‘обезьяний позор’. Слово, выбранное Рагнаром, акцентирует «обезьянье» начало в нацистах – не просто варварское, а еще более примитивное, животное. В мифологической проекции статус Германии уравнивается со статусом враждебной земли, не имеющей никаких признаков цивилизации и представляющей собой постоянную угрозу для охваченных культурой государств, располагающихся в сакральной земле (необходимость ликвидации этой угрозы вынуждает сакральную землю отправлять в окраинные земли культурных героев (см.: [5, с. 197-198])).

Частью ближайшего к «темному» миру «кольца» пространства является Швеция. На фоне привычной Иоганне Германии она выглядит однозначно менее «европейской» территорией – так, Стокгольм в определенной степени напоминает ей царскую Россию [16, S. 20], «окраинную» страну. Во внешности шведов, как замечает Иоганна, сочетаются светлые волосы (признак «арийской» внешности) и восточные черты [Ibidem, S. 25], что также иллюстрирует промежуточное положение Швеции между центральной (Германия) и восточными, то есть «окраинными» странами.

Создание образа Швеции осуществляется в романе «Бегство на север» в том числе путем описания царящих там политических симпатий и антипатий. Двое братьев Карин, старший (Рагнар) и младший (Йенс), демонстрируют прямо противоположное отношение к происходящему в Третьем Рейхе: для Йенса национал-социалистическая Германия – разумное и цивилизованное государство, чьи порядки он желал бы распространить и на свою собственную страну; Рагнар так же, как и сама Иоганна, квалифицирует наци как

«варваров и убийц» [Ibidem, S. 150]. Йенс с его симпатиями к нацизму, с одной стороны, и Карин и Рагнар, осознающие «варварскую» природу режима, с другой, – персонажи, взаимно «уравновешивающие» друг друга. Контрастно противопоставленные друг другу герои, испытывающие симпатию и антипатию по отношению к национал-социалистическому режиму, создают некий баланс между тем и другим в собственной семье. С учетом того, что у Иоганны контакты со шведами ограничены семьей Карин, можно в известной мере распространить описанный баланс на страну в целом: Швеция – это место, где в более или менее равной мере представлены сторонники и противники тоталитарного режима; она не оказывает никакого сопротивления тому, что творится в соседнем с ней Третьем Рейхе, но и не допускает проявлений «варварства» на собственной территории, – нейтральная страна.

Одна из важнейших доминант в образе Швеции в романе К. Манна – пустота, тишина и безлюдье. Даже применительно к столице страны и к ее южной, более густонаселенной части в тексте доминируют такие характеристики, как «обширный, бедный людьми пейзаж ее [Карин] родины» [Ibidem, S. 14], «огромная тишина» [Ibidem, S. 59], «У вас действительно нет ничего, кроме озер и лесов» [Ibidem, S. 208]; причем по мере продвижения героев в северном направлении обозначенные черты – пустота и безлюдность пространства – усиливаются.

Швеция, таким образом, изображена в романе К. Манна как страна пустая и «никакая» в плане ее политического облика, не оказывающая сопротивления нацизму, но и не подчиняющаяся ему, цивилизованная на фоне Германии и недостаточно цивилизованная на фоне Франции (подробнее см.: [6]). Франция же в пространстве эмиграции является уже следующим, вторым «поясом» вокруг Третьего Рейха; даже при наличии общей границы с Германией она символически удалена от темного мира существенно сильнее, чем Швеция, поскольку именно во Франции могут существовать очаги относительно организованного сопротивления экспансии Третьего Рейха (к одному из таких очагов принадлежат брат Иоганны Георг и ее друг Бруно). Иоганна неоднократно констатирует, что именно Париж является «ее», предназначенным ей местом: «Мои друзья в Париже» [16, S. 19]; «Если они меня позовут, завтра же я уеду...» [Ibidem, S. 40]; «...известия, которые доходили из ее мира...» [Ibidem, S. 130] (о письмах Бруно и Георга). В своем внутреннем монологе Иоганна квалифицирует свой грядущий переезд в Париж как «вернуться обратно» (zurückfahren), что еще раз подтверждает статус Парижа как «ее» мира, места, в наибольшей степени подходящего для эмигрантов. Швеция же, напротив, определяется героиней как «другой мир» [Ibidem, S. 186], а Рагнар – несмотря на ее чувства к нему – как «чужой Рагнар» [Ibidem]. В сравнении с Третьим Рейхом Франция – «цивилизованное» пространство и место для эмигрантов, и реальная географическая близость этих стран не препятствует моделированию образа Франции как страны, символически удаленной от Германии гораздо сильнее, чем та же Швеция (подробнее см.: [6]).

Выстроенное таким образом пространство эмиграции оказывает решающее влияние на романский сюжет за счет того, что «ведет» героиню определенным маршрутом, в соответствии с логикой концентрических кругов. В частности, реальная география Европы вполне благоприятствует прямому пересечению немецко-французской границы и в этом смысле необходимости делать остановку в Швеции у Иоганны нет. Ехать во Францию через Швецию она решает по следующим соображениям: «Мне сказали, что легче всего выехать через северную границу» [16, S. 67], – то есть пространство своими особенностями, неравнозначностью своих границ «подталкивает» героиню в сторону Швеции, формирует ее маршрут, в выборе которого ее свободная воля не играет практически никакой роли.

Когда перемещение в первое «кольцо» вокруг Рейха состоялось, во взаимодействии героини с пространством ведущую роль продолжает играть именно пространство. Причем здесь имеет место эффект, которого не наблюдалось ни у Э. М. Ремарка, ни у Л. Фейхтвангера и который связан с пустотой шведского пространства. В частности, именно спецификой пространства, в котором оказалась героиня, определяется ее нежелание задумываться о своей работе на политическом поприще: «Она смотрела, как загнипнотизированная, через открытое окно в казавшееся стеклянным сине-зеленое небо, которое оставалось безжалостным и расточительным в своей яркости – светлым, светлым, до отчаяния и восторга светлым, всю ночь напролет. <...> Этот свет, как непрестанно дребезжащий легкий серебристый звук, высасывал из нее все мысли, или, по крайней мере те, которые, как она чувствовала, она обязана иметь и которые она считала подходящими для себя: на размышлениях о Германии и о своих парижских друзьях она сконцентрироваться не могла. Слишком могущественны были картины последних дней» [Ibidem, S. 90-91]. Иными словами, Иоганна пытается настроить свои мысли сообразно ее будущей жизни в Париже, связанной с политической деятельностью; однако пустое пространство Швеции препятствует этому, оказывая решающее влияние не только на образ жизни, но и на образ мыслей героини. Живя в Швеции, она получает письма, в которых «Бруно сообщал из Парижа о своей деятельности. Он писал о собраниях, акциях помощи и протеста; о судьбе некоторых товарищей в Германии. Пришло письмо и от Георга, и Иоганна на несколько часов оставила его лежать нераспечатанным, прежде чем прочитала. <...> Георг тоже сообщал только об акциях, запланированных или уже проведенных. Иоганна читала торопливо. Она натолкнулась на предложение: “Впрочем, одному из нас придется в ближайшее время предпринять поездку в Германию”; но даже это место она лишь быстро пробежала глазами. “Бруно не будет настолько сумасшедшим!” – подумала она, но лишь на секунду» [Ibidem, S. 130]. Чтобы думать о своей «работе» и связанных с ней людях – Бруно и Георге, – героиня должна перейти следующую границу и оказаться во втором – условно говоря, политически активном – «поясе» пространства эмиграции, а нейтральная Швеция блокирует такие размышления.

Кроме того, героиню посещают мысли, которые она сама квалифицирует как не соответствующие ее мировоззренческим установкам: «...что есть человечность? Пару недель назад я бы не задалась этим вопросом, думает Иоганна с внезапным испугом. Что со мной случилось? Неужели я уже так много забыла и разучилась? Итак, я становлюсь чувствительной и теряю самообладание, потому что кто-то подвергает себя опасности – только потому, что этот кто-то случайно был моим другом. Когда я сама еще была во всем этом, для меня это было бы чем-то само собой разумеющимся – прекрасным и строгим...» [Ibidem, S. 185-186]. «Нейтральное» пространство Швеции – страны чужой и при этом безопасной, не сопротивляющейся нацизму и не оказывающей ему помощи, «пустой», «никакой» страны – полностью подчиняет себе героиню романа, заставляя ее мысли течь по столь же «нейтральному» руслу: так, приведенные выше размышления о человечности свидетельствуют о доминировании общечеловеческих ценностей над политическими, что возможно только в нейтральном шведском, но не в политически активном французском пространстве.

Проведя несколько дней в усадьбе, принадлежащей семье Карин, Иоганна покидает ее и едет с Рагнармом на север страны. Суть вынесенного в заглавие романа «бегства на север» Рагнарм описывает следующими словами: «Каждый день мы будем уезжать все дальше и углубляться в северную местность; там, в самом конце, – Ледовитый океан, и там мы сядем на корабль. Это будет большая прогулка» [Ibidem, S. 225]. Рагнарм видит смысл предпринимаемого героями путешествия в том, чтобы «уехать совсем. <...> Далеко отсюда, Иоганна, прочь. Туда, где нет больше ничего, а только мы...» [Ibidem, S. 224]. В северной части страны, через которую они едут, «лес не прекращался, ему была присуща устрашающая бесконечность пустыни и моря. Казалось, что он так же мало, как и пустыня и моря, терпит человеческую жизнь» [Ibidem, S. 226]. Городок на севере – в отличие от Стокгольма, где при «безлюдных» [Ibidem, S. 10] улицах все-таки попадаются достаточно многолюдные места, в первую очередь кафе, – «был пустынным, и здесь, казалось, есть лишь очень мало людей» [Ibidem, S. 227].

Впоследствии пустота пространства усугубляется еще и исчезновением леса: «Они оставили позади местность бесконечного леса. Теперь они ехали через голую, как степи, землю, на которой почти не было вышени и деревьев» [Ibidem, S. 226]. Между героями происходит обмен репликами следующего содержания: «“...я не знала, что в Европе есть местность, где живет так мало людей”. – “Это уже и не вполне Европа”» [Ibidem, S. 230]. Места, открывающиеся им, действительно имеют выражено неевропейский колорит: «Они снова были в плоской и голой местности. Те немногие деревни, через которые они проезжали в течение многих часов, казалось, располагаются еще дальше за пределами местностей европейского вида, чем те населенные пункты, которым они поражались днем раньше. Здесь встречались только группы низких деревянных домов; перед дверями сидели женщины с эскимосскими лицами...» [Ibidem, S. 231]. Иоганна квалифицирует видимое ею как «внеевропейские формы жизни» [Ibidem, S. 232]. Продвигаясь на север, героиня попадает в особую – абсолютно пустую, «голую», ничем и никем не заполненную – часть страны, в которой «не было уже практически больше ничего» [Ibidem, S. 248]. По словам Иоганны, «примерно так же, как здесь, должно быть, все выглядит на Луне» [Ibidem, S. 249].

Эта часть страны, которая символически находится за пределами Европы и даже (с учетом «лунного» колорита) земного пространства, ничем не связана с остальным миром и становится для Иоганны пограничной зоной, местом принятия судьбоносного решения расстаться с Рагнармом, то есть принесения жертвы, которая позволяет ей переместиться в страну второго «поояса» – Францию. В ходе подготовки к этому переходу Иоганна рассуждает следующим образом: «Ты же видишь, я не на увеселительной прогулке. <...> ...я ведь не могу долгое время делать вид, как будто у меня нет никаких дел, кроме купания и поездок на автомобиле по лесам. <...> Я должна покинуть тебя, Рагнар» [Ibidem, S. 204].

Причем в ситуацию выбора Иоганну ставит именно пространство. «Бегство на север» приводит героев к морскому побережью, в «самый северный город Европы» [Ibidem, S. 259], где они вынуждены остановиться. Эта остановка вводит Иоганну в состояние равновесия. При этом данное равновесие неустойчиво, так как прекращение движения провоцирует героиню на осмысление происходящего и самостоятельный выбор: «Оставаться где-либо было опасно; ведь существовала возможность прийти к осознанию – а именно осознание она не могла и не хотела себе позволить. С осознанием должен был встать вопрос о смысле и о позволительности такого путешествия» [Ibidem, S. 241]. В состоянии неустойчивого равновесия любое воздействие способно стать началом движения.

В данной ситуации, однако, настойчивое предложение Рагнарма поехать с ним в Исландию не имеет статуса такого воздействия. Рагнарм является представителем шведского «пустого» пространства, которое не оказывает никакого влияния на перемещения героини, – она движется в этом пространстве по инерции от выталкивающего воздействия Германии. Шведское пространство только навязывает Иоганне свои законы «нейтрального» мышления и существования, но никак не влияет на направление ее движения: «Она висела в воздухе, ей можно было дать любой толчок, какой хотелось; она бы полетела в желаемом направлении» [Ibidem, S. 207]. Настоящим же толчком, который выводит Иоганну из состояния равновесия, становится телеграмма из «ее мира» – от Георга: «Бруно вчера в Кельне застрелен во время побега тчк приезжай в Париж ты нам нужна Георг» [Ibidem, S. 269].

В пустом – «лунном» – пространстве, в которое, в конце концов, перемещается Иоганна, она совершает свой выбор, приносит жертву и готовится перейти границу. Здесь она вынуждена выбирать, условно говоря, между Рагнармом и Георгом – героями, принадлежащими, соответственно, к нейтральному шведскому и политически активному французскому пространствам. Поскольку потенциал последнего ощутимо сильнее,

героиня делает выбор именно в его пользу; ее выбор тоже пространственно обусловлен. Оказавшись в Лапландии и доехав до моря, она проходит через пустой пограничный «буфер» между двумя принципиально разными пространственными зонами – нейтральной и аксиологически положительной, в которой сосредоточена борьба против варварства.

В итоге история перемещений Иоганны по трем участкам пространства эмиграции – центру (Германии), ближайшей периферии (Швеции) и дальней периферии (Франции) – выглядит следующим образом. В центральной зоне пространства эмиграции существует прямая угроза жизни героини, и все ее усилия направлены на обеспечение собственной безопасности – например, путем проживания в чужих квартирах. Она вынуждена переместиться в страну первого «пояса» вокруг Рейха – Швецию, где первичная потребность в безопасности удовлетворена и героиня имеет возможность «закрыть» вторичные потребности (дружеские и любовные отношения, получение новых впечатлений). Однако свою жизнь в Швеции Иоганна воспринимает как лишенную смысла; чтобы придать ей осмысленность, осознаваемую ею как целенаправленная политическая борьба против нацистского режима, она должна пересечь еще одну границу и переместиться в страну второго «пояса», символически занимающую крайнее положение по отношению к Рейху, – Францию. Три стадии в становлении героини – борьба за выживание во враждебной стране, «увеселительная прогулка» [Ibidem, S. 204] в безопасной и политически нейтральной стране и осмысленная жизнь в политически активной (в эмигрантском измерении) стране – соответствуют трем последовательно сменяющим друг друга участкам пространства эмиграции, по которому она передвигается. Пространство, выстроенное концентрическими кругами вокруг своего «темного» центра и «улучшающееся» по мере удаления от него, определяет перемещения героини, изменения ее установок и тем самым формирует сюжет романа.

Список литературы

1. Альбедиль М. Ф. В магическом круге мифов. Миф. История. Жизнь. СПб.: Паритет, 2002. 336 с.
2. Бидерманн Г. Энциклопедия символов. М.: Республика, 1996. 312 с.
3. Кудашова Н. Н. Портретизация толпы в тексте прозаического произведения (на материале пролога к роману Клауса Манна «Мефистофель») // Лингвистические и экстралингвистические проблемы коммуникации. Саранск, 2006. Вып. 5. С. 40-44.
4. Лотман Ю. М. Структура художественного текста // Лотман Ю. М. Об искусстве: структура художественного текста. Семиотика кино и проблемы киноэстетики. Статьи. Заметки. Выступления (1962–1993). СПб., 1998. С. 14-285.
5. Мелетинский Е. М. Поэтика мифа. М.: Восточная литература, 2000. 408 с.
6. Поршнева А. С. Пространство наци и пространство эмиграции в романе Клауса Манна «Бегство на север» (в печати) // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. 2012.
7. Поршнева А. С. Пространство наци и пространство эмиграции в романе Лиона Фейхтвангера «Изгнание» (в печати) // Известия Уральского университета. 2012.
8. Поршнева А. С. Пространство эмиграции в романном творчестве Э. М. Ремарка: монография. Saarbrücken: LAP (Lambert Academic Publishing), 2010. 231 с.
9. Сулягина Н. Н. Время как основа сюжета. Новелла Клауса Манна «Зарешеченное окно» // Вестник Тамбовского университета. Серия «Гуманитарные науки». 2008. Вып. 8. С. 187-189.
10. Сулягина Н. Н. Драматургическое начало в творчестве Клауса Манна // XII Державинские чтения / Институт русской филологии. Тамбов, 2008. С. 131-133.
11. Сулягина Н. Н. Романтическая традиция в малой прозе Клауса Манна: на материале «Легенд о Каспаре Хаузер» // Вестник Тамбовского университета. Серия «Гуманитарные науки». 2008. Вып. 1. С. 182-186.
12. Тамарченко Н. Д., Тюпа В. И., Бройтман С. Н. Теория литературы: учеб. пособие: в 2-х т. М.: Академия, 2004. Т. 1. Теория художественного дискурса. Теоретическая поэтика. 511 с.
13. Albrecht F. Klaus Manns «Mephisto. Roman einer Karriere» // Weimarer Beiträge. Weimar, 1988. Jg. 34. № 6. S. 978-1001.
14. Fitzsimmons L. «Scathe Me with Less Fire»: Disciplining the African German «Black Venus» in «Mephisto» // Germanic Review. Washington, 2001. Vol. 76. № 1. P. 15-40.
15. Hermann F. BRD: Tagebücher des Klaus Mann // Börsenblatt für den Dt. Buchhandel. Leipzig, 1989. Jg. 156. H. 45.
16. Mann K. Flucht in den Norden. Reinbek bei Hamburg: Rowohlt Taschenbuch Verlag, 2003. 288 S.
17. Sellmer I. «Wie soll ich es schaffen?» – Klaus Mann im Spiegel seiner Exiltagebücher // Studia Germanica Posnaniensia. Poznan, 1999. № 24. S. 145-152.

SPACE AND PLOT IN KLAUS MANN'S NOVEL "FLIGHT TO THE NORTH"

Alisa Sergeevna Porshneva, Ph. D. in Philology
Department of Foreign Languages

Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. El'tsin
alice-porshneva@yandex.ru

The author discusses the questions of the interaction between the spatial and plot organization of the poorly studied emigrant novel "Flight to the North" by K. Mann, considers the phenomenon of emigration space, which structurally repeats the space of a classical myth, formed up by concentric circles, and in value sense is diametrically opposite to it; basing on the analysis of the route and motivation of a heroine's movement in this space concludes that the novel plot is formed by the features of its artistic space, and for the first time considers K. Mann's novel in the genre context of the German emigrant novel.

Key words and phrases: emigration; Nazi space, emigration space; plot; myth; concentric structure.